

которая была изготовлена для Екатерины II. На основании разногласий, а также очевидных ошибок обоих переписчиков мусин-пушкинского и Архивского списков И. И. Козловским высказано было предположение, что начертания букв *а* и *о* местами мало отличались друг от друга, что позволяло их путать; что буква *ю* имела, повидимому, особое начертание: перекидаина ее шла прямо от верхушки мачты и переходила в кружок *о*, а это давало возможность прочесть такое *ю* как слог *го*; такое прочтение вообще возможно, если перекидаина буквы *ю* поставлена высоко. На основании разночтений двух списков „Слова о полку Игореве“ Тихонравов полагал, что в рукописи наблюдалось сходство в написаниях букв *ъ*, *ь* и *ѣ*. Установлено, что в рукописи встречалось так называемое „очное“ *о*, т. е. двойное *о*, в слове „очима“. Имелась также лигатура *тр*, в одном случае прочитанная издателями как буква *з*. Памятнику свойственны были случаи гаплографии, т. е. пропуск одного из двух рядом стоявших одинаковых написаний. Полагают, что так получилось чтение „стрешаше е гоголемь“, вместо первоначального „стрешаше его гоголемь“.¹

Вот в основном все данные, которые по памяти указаны очевидцами рукописи или предположительно высказаны учеными, не издавшими ее. Из показаний очевидцев, конечно, надо отбросить предположение Мусина-Пушкина и Малиновского о том, что рукопись восходит к концу XIV или началу XV века, тем более, что позднее Малиновский высказывается за XVI век. Русские рукописи конца XIV века на бумаге еще редки, притом и орфография мусин-пушкинского сборника свидетельствует о более позднем времени.

Всего важнее для нас определение Ермолаева и Карамзина как специалистов, относивших рукопись к XV веку. Разберем более или менее точно установленные палеографические приметы памятника.

Лощеная бумага употребляется как в XV, так и в первой половине XVI века, но не в XVII и не в XVIII веках.²

Полуустав, переходящий в скоропись, характерен для деловых рукописей XV и XVI веков. Недостаточно четкое начертание букв *а* и *о* говорит о спешности почерка, а может быть и о том, что полуустав рукописи был некрупный. В подобном почерке возможны также ошибки в чтении букв *ъ* и *ѣ*, после того как в XV веке утвердилось новое, менее четкое начертание буквы *ѣ* с невысокой мачтой и со спущенным левым крылом коромысла. Однако эти два знака даже в скорописи XVI века нельзя смешать со знаком *ь*. Наличие лигатуры *тр* и двойное *о* характерны для русских рукописей, начиная со второй четверти XV века и до середины XVI века; они были временным явлением, занесенным балканскими славянами в конце XIV—начале XV века.³

Орфография, наряду с остатками древнего правописания оригинала, свидетельствует также о юго-славянском архаизирующем письме (ср. постановку *ъ* и *ь* после плавных: „вълькомь“, „плъки“, „бръзый“ и т. п.). Подобное правописание также говорит о XV—первой половине XVI века.

¹ Подробный анализ см. в статье И. И. Козловского „Палеографические особенности погибшей рукописи Слова о полку Игореве“ (Древности, Труды Московского археологического общества, т. XIII, вып. 2, М., 1890).

² В молдавских, сербских и болгарских рукописях и позднее, вплоть до XVIII века.

³ Эти вычурные написания еще живут в каллиграфических почерках рукописей Грозного, а у писцов Чудова монастыря, например, задерживаются до конца XVI века.